

Книги Василия Головачева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОСЛАННИК
КОНТРОЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ
БИЧ ВРЕМЕН**

**ПАРАНОРМЫ
ПАРАНОРМЫ. НЕЗРИМАЯ ПУЛЯ
ПАРАНОРМЫ. КОНТРОЛЬНЫЙ ВИРУС В ГОЛОВУ
КОНФЛИЗМ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

КОНФЛИЗМ

РОМАН
РАССКАЗЫ

Москва, 2022
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г61

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1314

Художник
И. Воронин

Головачев В. В.

Г61 Конфлизм: Роман; Рассказы. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-3421-3

Пути науки неисповедимы. Открытия ученых могут стать прорывом в будущее, а могут обернуться катастрофой. Перед физиком Тимофеем Бодровым, работающим над проблемой развертки измерений Вселенной, встает нелегкий выбор: продолжить исследования всей своей жизни или признать их губительную опасность для человечества и уничтожить сделанное. И принять решение надо немедленно, пока результаты эксперимента не попали в чужие руки. Мирная жизнь кабинетного ученого в одночасье оборачивается военными действиями. Случается то, чего Бодров и представить не мог, приходят люди, с которыми при других обстоятельствах он никогда бы не встретился, требуют ответа вопросы, над которыми раньше задумываться не приходилось.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Головачев В. В., 2022
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2022

ISBN 978-5-9922-3421-3

ГЛАВА 1

Подмосковье. Билибино. 21 июня

Его стремительно несло сквозь мрак и северные сияния, как речная вода горной реки — упавший лист дерева. Казалось, ещё миг — и тело вlepится в прятавшийся впереди речной порог, породив вспышку тёмной боли! Но порог не появлялся, боли всё не было, как не было вообще никаких неприятных ощущений, если не считать само падение-скольжение в неведомой реке и непонятном мраке.

Но вот падение закончилось полным растворением в пустоте, переливы северного сияния погасли и Тимофей вынесло внутрь самого себя, словно его внезапно вывернуло наизнанку!

Затем вокруг начали возникать, проявляясь как фотографии в бювете, контуры кресел, пультов, аппаратных шкафов и других предметов интерьера лаборатории, окружённые светлыми ореолами, плюс люди в помещении. При этом Тимофей вдруг обнаружил у себя способность заглядывать и внутрь их тел, и в недра приборов и компьютеров, стоило только напрячь зрение! Но первое ощущение путешествия по собственным сосудам, органам и кишкам шокировало больше всего. Он не сразу смог определить, где находится, что вообще происходит и почему слышит только вибрирующий шелест, а не знакомые звуки работающих приборов и голоса коллег. Всё смешалось в одну сплошную вибрацию, из которой изредка выбивались стоны, тонкие посвисты или звонкие щелчки.

Но сознание не отключилось, продолжая работать. Тимофей вспомнил, что начался эксперимент, к которому ла-

боратория готовилась четыре года (два года вместе с ним), и вся неразбериха с чувствами случилась после включения «мерина», как сотрудники лаборатории называли инвертор измерений. Вывод напрашивался сам собой: «мерин» активировался и чудесным образом преобразовал локальный объём пространства — всю лабораторию, хотя сам находился в хорошо защищённой, покрытой метровым слоем бетона, графита и металлокерамики, камере.

Процесс восприятия окружающего мира между тем продолжался.

Поплутав по собственному кишечному тракту, грудной клетке и голове, Тимофей выплыл наконец из родного тела в помещение лаборатории — бункер площадью в полсотни квадратных метров располагался под землёй на глубине пятнадцати метров — и некоторое время боролся с маневрами сознания, то и дело норовящего нырнуть в тела коллег (всего в лаборатории трудились пять человек во главе с заведующим) или в недра аппаратуры, и смог наконец отделить «зёрна от плевел». То есть понять, что включённый «мерин» и в самом деле расширил количество измерений физического вакуума, добавив к трём реально развёрнутым во Вселенной: длине, ширине и высоте, создающим геометрический объём, ещё одно — четвёртое, и оно, развернувшись в макроформате, накрыло лабораторию новым субстратом, позволяющим видеть и чувствовать все трёхмерные объекты одновременно со всех сторон и даже изнутри.

Сначала Тимофей почувствовал восторг! Они добились своего! Идеи заведующего лабораторией Мирона Юльевича Феофанова оказались верными, и коллективу удалось осуществить задуманное без особых затрат энергии. Это была новая физика, основанная на экспериментах коллайдера, обнаруживших кроме бозона Хиггса ещё и скрытую пятую фундаментальную силу¹. Хотя известно об этом стало только после десятилетнего изучения результатов эксперимен-

---

¹ В настоящее время известны четыре фундаментальных взаимодействия: сильное, слабое, электромагнитное и гравитационное. — *Здесь и далее примеч. авт.*

тов на коллаидере. Но идея сработала! Именно использовав её как основу будущей физики, Феофанов и создал технологию развёртки измерений, или квинтик, как он говорил.

Потом на голову обрушился страх! Не превратил ли «мерин» в сплав четырёх измерений всю Землю?! И не начнётся ли цепная реакция «перемешивания реальностей» — физических параметров знакомого квантового мира в единый «винегрет»!

Страх породил волну переживаний, обрушивших душевное равновесие, отчего сознание снова начало прыгать по лаборатории как заяц, то опускаясь в тела товарищей, то выскакивая обратно как ошпаренное!

По-видимому, то же самое ощущали и коллеги, потому что Тимофей видел их перемещения и чувствовал переживания, как свои. Однако длилось это жуткое явление недолго.

Внезапно Тимофей буквально спикировал в своё тело и застыл оглушённый, не веря, что всё кончилось. И только спустя несколько мгновений понял — заведующий лабораторией выключил генератор...

Порыв ветерка в открытое окно охладил грудь.

Тимофей сел на кровати, поёживаясь.

Нет, это был не сон, а воспоминание. Эксперимент с развёрткой свёрнутого в структуру Калаби-Яу (так это называлось на сленге физиков) четвёртого измерения прошёл два дня назад, но до сих пор бередил душу и заставлял переживать. По всем косвенным данным коллектив лаборатории под названием «Илэвен» МИФИ — Московского инженерно-физического института (получившего статус академии) находился по данной теме впереди всех отечественных и зарубежных научных групп, поэтому в целях секретности работы не объявлял о результатах ни в каких научных журналах. Название же лаборатории дал завлаб, переводилось оно с английского как «одиннадцать» и никому из сотрудников не нравилось, но приходилось мириться, потому что Феофанов создавал лабораторию по развёртке измерений (по М-теории Вселенная имела одиннадцать из-

мерений: десять континуумальных плюс время, восемь из которых были свёрнуты в суперструны) и имел полное право применить для названия её любой термин.

Зарядкой по утрам Тимофей занимался номинально, только ради поддержания физической формы: двадцать приседаний, столько же отжиманий, десять подтягиваний. Спорт он никогда не жаловал, хотя имел отличную спортивную фигуру и выглядел очень брутально, почти как герой романа Джека Лондона «Лютый зверь». Разве что при этом не боксировал и всегда в конфликтах искал разумный компромисс. А так как он был достаточно высок — рост сто семьдесят пять сантиметров, широкоплеч, силен с виду и обладал мужественным обликом, вкуче с карими глазами, нередко задумчивыми, женщины постоянно обращали на него внимание, хотя он их сторонился, испытав немалый стресс после ухода жены.

В этот день он зарядку делать не стал, неукоснительно соблюдая давно заведенный порядок: по субботам и воскресеньям мышцы не напрягать. Можно было и поспать подольше. Но воспоминания об эксперименте снова включили мыслительный аппарат, и Тимофей встал.

И тотчас же заработала автоматика умной квартиры.

Год две тысячи тридцать первый ознаменовался подсоединением городской бытовой среды к облачному интернету. Все новостройки подключались теперь к внешке — облаку, имея обслуживание уровня ИИ (искусственный интеллект), поэтому те, кто вселялся в умные дома и квартиры, при подписании доверительных актов пользовались его услугами.

Поскольку Тимофей, вселившийся в такую квартиру (оставленную ему тётёй Ксеньей) недалеко от Лужников в феврале этого года, имел доступ к внешке, кровать пинганула (послала сигнал) домашнему компьютеру, холодильник выдал домашнему роботу всё, что ел хозяин по утрам (бутеры, сыр, масло, молоко, орехи — миндаль и грецкий, две сливы) кофеварка включилась сама, сварила «дольче», робот доставил всё на стол, и когда Тимофей после утренних процедур явился на кухню, там уже был готов завтрак.

В привычном своём одеянии — майка, шорты, он сел за стол, бросил:

— Прошка, Новости!

Включился настенный ТВ.

Новости физик читал избирательно. Компьютер по имени Прошка выбирал из программы только самые значимые социальные и научные темы, поэтому их утренний просмотр — без рекламы и рекомендаций — не утомлял.

Первой такой новостью был запуск российского телескопа «Спектр-5», который открыл за неделю ещё полсотни экзопланет у других звёзд, схожих по массе с Землёй. Перед этим запущенный ещё в две тысячи двадцать четвёртом году телескоп Уэбба в Австралии открыл более пятисот таких планет, среди которых были и Земли-2, как стали называть объекты с условиями, близкими с земными.

Следующая новость касалась развития ИИ для контроля поведения всех народов всех государств планеты. Создавалась единая структура контроля, позволяющая, по уверениям разработчиков, «улучшить обслуживание населения и вывести безопасность жизни на высочайший уровень». В Китае цифровизация достигла стадии «коллективного народного интеллекта», что означало — создан прецедент «стайного социума» — единой цифровой матрицы типа «хомо-рой». Управлять Китаем теперь мог один (!) компьютер. Или человек. Недалёк был тот день, когда всё население Китая станет лишь клетками единого цифрового организма.

Идиоты, равнодушно подумал Тимофей. Потом развил мысль: а разве мы не туда же идём, как баранье стадо?

Глоток кофе уравновесил оценки.

Следующими известиями, заинтересовавшими молодого физика, были сообщения из центров биоинженерии и космического Агентства России.

Машинный интеллект, о котором так много говорили последние десять лет, наконец достиг уровня человеческого, по заверениям экспертов министерства цифрового развития. Это означало, что в мир начали поступать новые автоматические системы управления, находившие примене-

ние в ранее недоступных для этого областях. В том числе — искусства и культуры. Уже всюду проводились конкурсы работ искусственного разума, а кино всё больше опиралось не на живых актёров, а на ботов. В медицине же возникли отрасли создания искусственных органов, а роботов начали приучать чувствовать и любить «как человек». Что в принципе предвосхищало близкую гибель чисто природной цивилизации и переход социума на общий системный подход к искусственной жизни.

В космос уже не раз запускались орбитальные отели, не считая телескопы и лаборатории, и хотя Илон Маск, обещавший полететь на Марс ещё в две тысячи двадцать четвёртом году, так и не создал поселения на красной планете, в том же направлении дружно шагали китайские специалисты, запустившие две собственные космические станции — вокруг Земли и вокруг Луны, а также создавшие первый лунный городок.

Они же первыми объявили об отсутствии следов пребывания американских астронавтов на спутнике Земли, после чего началась истерия планетарного масштаба, заставившая НАСА стыдливо оправдываться тем, что лунную аферу затеяли не нынешние власти, а прежние.

Впрочем, следы в местах якобы посадок американских модулей на Луне нашлись: пытаюсь скрыть аферу, американцы запускали к Луне автоматические станции, сбросившие на её поверхность отражательные элементы и даже ракеты посадочной ступени и лунного ровера, чтобы их можно было увидеть и с Земли. Ложь и насилие всегда сидели в генах завоевателей Северной Америки, сбежавших из тюрем Старого Света, а в начале двадцать первого века эти две отвратительнейшие категории поведения были вообще возведены в США (да и в Европе тоже) в ранг внешней политики.

С любопытством Тимофей узнал и о строительстве в Японии высочайшей в истории человечества деревянной башни в семьдесят этажей. В Китае, Таиланде и Новой Зеландии давно были возведены дома-башни высотой до километра и выше, но они строились из композитных мате-

риалов и легированной стали, выдерживающих большие температуры и нагрузки. Башня же из дерева высотой в триста пятьдесят метров строилась впервые.

И ещё Тимофей узнал, что учёные вплотную подошли к рождению детей с запрограммированным геномом.

Это сообщение заставило поёжиться, так как в первую очередь человечество создавало оружие на основе новых технологий, а о создании универсальных солдат писатели предупреждали людей ещё с середины двадцатого столетия. И вот настал момент теории приблизиться к практике вплотную.

Внимание Тимофея отвлек звонок мобильного вижна¹.

Он нацепил очки КДР (контур дополнительной реальности) и увидел перед собой Валеру Грубина, с которым подружился два года назад. Оба лежали в антиковидном госпитале на Сиднёвке, там же познакомились и с тех пор вместе часто отдыхали или встречались в разных компаниях, представляя собой необычную пару.

Тимофей был достаточно высок, строен, широкоплеч, по-мужски красив, эдакий мачо двадцати восьми лет от роду. Валерий же обладал внешностью офисного клерка. Со своим росточком метр шестьдесят восемь, с костлявыми плечами, рукастый, мосластый, он казался хилым и болезненным, да и прихрамывал на ходу. Но при этом обладал недюжинной силой (мог ломать пальцами монеты и дробить кулаками кирпичи) и владел рукопашным боем, будучи в прошлом капитаном спецназа Росгвардии «Гром».

Уже после лечения от ковида Валера со своим подразделением попал в засаду в Перми, куда просочились боевики ИГИЛ, получил две пули в спину и был комиссован. Однако навыков не потерял, что и доказывал иногда в реальной жизни, полной отморозков и мажоров. Он и Тимофею советовал заняться боевыми искусствами, предлагая себя в качестве тренера, но физик уговорам не поддавался, убеждённый в том, что каждый должен заниматься своим делом. Учёный в

---

¹ В и ж н — система мобильной видеосвязи.

его понятии не был рождён ни для кулачного боя, ни для любого другого.

— Привет, старый, — расплылся в улыбке Валера; он был младше Тимофея на год, потому и подшучивал над ним, обзывая старым. — Чем занимаешься?

— Завтракаю, — ответил Тимофей.

— Оп! — огорчился бывший спецназовец. — А я хотел предложить тебе позавтракать вместе.

— Надо было позвонить вчера, договорились бы.

— Да я поздно домой пришёл, провожал брата. Слушай, ты говорил, что получил отпуск.

— Получил, с сегодняшнего дня.

— Почему бы нам не рвануть в глэмпинг? Я тоже в отпуске, хочу отдохнуть на природе, не улетая далеко.

— Что такое глэмпинг?

— Так называют хорошие кемпинги, присоединяя слово «гламурный». Мой братец отдыхал, рекомендует.

— Вообще-то я хотел съездить на малую родину, в Мурманск.

— Дело хорошее, поддерживаю, но и в лесу пожить на берегу озера неплохо. Да и погода стоит хорошая.

— Где этот твой глэмпинг располагается? В какой глуши?

Валера рассмеялся.

— Вовсе не в глуши. Брат Сашка отдыхал в «Сфере», это на берегу Плещеева озера, рядом с Переславлем-Залесским. Два часа от Москвы. Не бывал?

— В Переславле? Нет.

— Мотанём на недельку? Сашка говорит, что там отдыхают очень крутые девчонки.

Тимофей улыбнулся.

— Тебе-то они зачем?

Валера притворно обиделся.

— Что я, не мужик, что ли?

— В том смысле, что ты ведь женат.

— Был.

— Что? — удивился Тимофей. — Как это — был?

— Развёлся.

— Когда?!

— Позавчера.

— С какого бодуна?!

— А чем я хуже тебя? — скривил губы Грубин. — Ты же развёлся год назад?

— Не я, Света просто ушла...

— Какая разница?

— Но твоя Ляля тебя любила.

— Если бы действительно любила, вышла бы за другого, — со смешком проговорил Валера. — Случайно узнал, что у ней есть запасной ухажёр. Короче, едем?

Тимофей почесал в затылке.

— Знаешь, а давай! Только ты предложил, ты и заказывай.

— Легче лёгкого. Сашка оставил все координаты. Я сделаю заказ и завтра поедем.

— Думаешь, места будут?

— Отдых не для бедных.

— Я тебе такое порасскажу, — оживился Тимофей. — Не поверишь!

— Ради этого я отправлюсь и на Луну, — засмеялся Грубин. — Ты уже провёл свой эксперимент?

— Было дело, об этом и речь, только об этом никому ни слова, инфа секретна.

— Обижает, старый.

— Жду. — Тимофей снял очки.

Показалось, стены кухни качнулись, став зыбкими. Но это был лишь эффект перехода от созерцания виртуальной связи к реальной жизни. Хотя на миг вернулось состояние, испытанное во время эксперимента.

Все пять операторов лаборатории, находившихся в бункере «Илэвен», пережили примерно одинаковые ощущения. Но главным из них было чувство о б н а ж ё н н о с т и: казалось, их разрезали по многим направлениям, и душа, метавшаяся в поисках основы бытия, не могла определить координат реальной сосредоточенности на формировании цели существования. Четвёртое измерение р а с с а с ы в а л о в с ё

материальное до уровня бессмыслицы! А ведь, по теории, Вселенная реализовала не три и не четыре измерения, а целых десять пространственных и одно условное — время. И только три из них были развёрнуты масштабнo, образуя известное человеку пространство. Остальные оказались свёрнутыми в крохотные петли — суперструны или структуры Калаби-Яу, названные так по именам открывших их учёных. Свёртка произошла в считанные мгновения после начала Большого Взрыва, породившего Вселенную, и почему это случилось, определить не смог ни один теоретик. Хотя идей было множество, объясняющих существующее положение вещей через предположение о бесчисленных попытках природы объединять группы физических констант и законов Мультиверса — Большой Вселенной, допускающие возникновение жизни.

Тимофей Бодров в начале своей карьеры физика тоже занимался расчётами метавселенных, заполняющих Мультиверс. А потом, когда ему предложили работать в лаборатории МИФИ под началом Феофанова, с энтузиазмом воспринял идею доктора наук развернуть сколлапсированные измерения, чтобы выяснить, что это такое, как они реализуются в трёхмерном континууме и как их следует воспринимать. Если длина, ширина и высота априори были понятны всем как измерения, создающие объём, то теоретически определить параметры последующих свёрнутых мерностей от четвёртого до десятого было невероятно трудно. Их свойства не поддавались осмыслению. Нужна была новая физика и новые подходы к восприятию, над чем и работал коллектив «Илэвен».

Развёртка четвёртой квинтики, к счастью, не привела к катастрофическим последствиям. Объём четырёхмерного пространства оказался невелик, захватив лишь подземный бункер лаборатории, и не сказался ни на здоровье сотрудников, ни на характеристиках материалов, из которых строился бункер. Существовало опасение, что их параметры изменятся, и сооружение, став рыхлым, провалится само в себя. Но обошлось.

Оказались верными и теоретические изыскания предшественников о свойствах самого четвёртого измерения. Идея же Феофанова состояла в том, что человек по природе своей ограничен тремя измерениями (плюс время как условное четвёртое, но не геометрическое) и принципиально не в состоянии идентифицировать и распознать последующие. Даже если бы в космосе нашлись области, в которых были бы развёрнуты четвёртое или какое-нибудь другое, он всё равно не увидел бы разницы, оказавшись в плену трёхмерья. Об этом задумывались учёные и писатели ещё в середине двадцатого века. Бодров читал их произведения, в том числе повесть Мюррея Лейнстера «Катапульта пятого измерения». Так вот Мирон Юльевич Феофанов решил помочь человеку увидеть развёрнутые континуумы Калаби-Яу и создал особое программное обеспечение, выводящее эффекты развёртки на экраны и, что оказалось неожиданным, непосредственно в мозг испытателя. После чего Тимофей и его коллеги и пережили небывалые ощущения при созерцании собственных внутренностей и содержимого компьютеров.

Бодров невольно передёрнул плечами, вспомнив последние мгновения эксперимента. Четвёртое измерение изменяло не только восприятие людей, расщепляя первые три на «отдельные составляющие», но и формировало новую реальность, в которой человек становился волшебником, способным копаться в собственном теле или в сложных электронных системах волевым усилием.

Закончив завтрак, он позвал роба, чтобы тот убрал на кухне, собрался было посмотреть материалы и письма, полученные по электронной почте, но снова позвонил Грубин. Он был весел.

— Живём, старый! Выезд сегодня вечером!

— Куда? — не сразу включился Тимофей, занятый своими мыслями.

— Как — куда? В глэмпинг! Точнее, в экокемпинг «Сфера» в Переславле. Забыл?

— Какой ты быстрый, — проворчал раздосадованный физик, действительно не рассчитывавший на скорое решение вопроса.

— У тебя появились другие планы?

— Н-нет, я просто думал... хотел в понедельник заскочить в лабораторию...

— Зачем?

— Изменить кое-какие параметры испытаний.

— Разве вы не закончили?

— Собираемся продолжать. Обсудим нюансы предыдущего эксперимента с четвёртой квинтикой и продолжим готовить развёртку пятёрки.

— Вот отдохнёшь недельку и продолжишь. Шеф дал тебе отпуск? Радуйся, пользуйся свободой, лето началось. А ежели со средствами хреново, я добавлю.

— Не надо, деньги есть.

— Тогда не раздумывай, собирайся. Обещаю если и не райский отдых, то вполне комфортный земной. Лес, озеро, девчонки, хорошая погода!

Сопротивляться расхотелось. Не то чтобы он сильно устал от работы, хотя последний месяц они торчали в лаборатории допоздна каждый день, однако рутинная возня с аппаратурой, обсуждения, споры никогда Тимофею не нравились, а заниматься этим предстояло не один день, прежде чем наметились бы контуры следующего эксперимента, и он согласился с доводами друга.

— Уговорил, к вечеру соберусь. Как поедем?

— На моей «ласточке», конечно.

Тимофей кивнул. «ласточкой» Валера Грубин называл новый «Генезис GV60» с электротягой, позволяющей преодолевать без подзарядки восемьсот километров. Да и скорость до «сотки» тот набирал всего за пять секунд, что радовало владельца.

У самого физика стояла в боксе под домом машина поскромней, подаренная дедом ещё одиннадцать лет назад: «КИА EV6». Но ему спортивные автомобили и не особенно-то нравились. По характеру Тимофей был не спортсменом, как Валера, а флегматиком философского склада и предпочитал ездить не торопясь.

Мысли перескочили в иную плоскость.

Он присел перед компьютером и начал составлять список необходимых для отдыха вещей. Пека, то есть персональный компьютер в виде дипломата (словечком «пека» шеголяли геймеры) входил в этот список первой позицией.

ГЛАВА 2

Москва. Дягилево. 21 июня

Утро для Руны Лаптевой (тридцать шесть лет, шатенка, рост метр восемьдесят, идеальная фигура, айтишник по образованию, хакер по призванию) началось нестандартно. Спать она легла поздно, собираясь поваляться в субботу подольше, но была разбужена в начале восьмого голосом квартирного бота Умника, обслуживающего всю аппаратуру квартиры:

— Хозяйка, проснись, к нам гости!

Женщина разлепила глаза, глянув на мигающие в толще потолка цифры времени:

— Какого дьявола?! Я сплю!

— По-моему, они вооружены.

Сон слетел птицей.

— Что?! Вооружены?!

— Даю картинку.

На стене затлел пеплом экран ТВ-системы, к которому были подключены все токены квартиры от мобильного телефона до вайфая и местного компьютерного обслуживания. На хозяйку слепо смотрели два «киборга» — люди в спецкостюмах со шлемами, забрала которых были опущены, закрывая лица. Один из них поднял руку, и на предплечье костюма Руна увидела надпись «ФСБ».

— Ч-чёрт! — выдохнула она, подхватываясь с кровати.

Раздался звонок в дверь, затем требовательный стук и голос:

— Гражданка Лаптева, Федеральная служба безопасности, откройте!

Первой мыслью было — бежать!

Вторая отрезвила: от федералов не сбежишь и за рубеж!

Пришлось буркнуть «минуту» (бот передал слово наружному динамику) и быстро одеться. А так как Руна з н а л а возможную причину появления спецназа ФСБ, то выбрала донельзя открытый домашний халатик, практически не скрывающий прелестей фигуры.

Это подействовало. Возникла пауза, после того как Руна открыла дверь и остановилась перед спецназовцами (их, как выяснилось, было четверо) в позе жены, встречающей мужа с гулянки поздно ночью.

— Что вам надо?!

Первый спецназовец махнул рукой, отсылая спутников проследовать в квартиру.

— Обыскать!

Но Руна не отступила, не давая гостям пройти.

— Назад! Это частная территория! Какое вы имеете право обыскивать?!

Спецназовец откинул забрало шлема, на женщину глянули холодные серые глаза немолодого мужчины.

— Я полковник Житомирский, подразделение по борьбе с киберпреступностью. Гражданка Лаптева, вы обвиняетесь в противоправных деяниях и подлежите аресту по статье сто один Уголовного кодекса Российской Федерации «измена Родине». Извольте пропустить оперативных сотрудников для следственных мероприятий и следуйте за нами!

— В чём дело, полковник?! — возмутилась она, хотя прекрасно знала, что происходит. — С какого бодуна вы врываетесь в квартиры мирных граждан?!

Житомирский усмехнулся, кинул взгляд на почти обнажившуюся грудь женщины, взгляд его стал хищным.

— Мирных граждан мы не трогаем. А вы являетесь, как хакер, угрозой для национальной безопасности и прекрасно это знаете.

— Чушь собачья! Я не хакаю государственные секреты! Если вы так печётесь о национальной безопасности, обратите внимание на истинных негодяев. Могу перечислить не одну категорию деятелей, угрожающих безопасности.

— Интересно, — хмыкнул полковник, взглядом посылая сопровождавших его бойцов вперёд. — Ну-ка, поподробней.

Руна хотела остановить гостей, но их командир придержал её за локоть.

— Пройдёмте в гостиную.

Вошли в квартиру. Руна тревожно глянула, как бойцы обыскивают комнаты и сноровисто включают компьютер.

— Код запуска, — потребовал тот, что подсел к столу.

— Код! — проговорил Житомирский.

Руна презрительно повела плечиком.

— А это ищите сами, если вы такие спецы.

— Работай, — кивнул полковник бойцу, повернулся к ней. — Так что вы там говорили об угрозах?

— Вы и сами знаете. Уже отмена лимита на легионеров-футболистов — национальное предательство. Разве нет? А более сорока процентов состава российских волейбольных клубов — украинцы, разве не национальное предательство?

— Несерьёзно, — отмахнулся полковник.

— Можно и посерьёзней, хотя я уверена, что права. Подавляющее большинство детей чиновников высшего эшелона власти и депутатов Думы учатся за границей, а потом там и остаются. Это не национальная трагедия?! А утечка мозгов за рубеж с подачи тех же чиновников — не предательство страны?!

— Круто загнули, — встопорщил брови гость, махнув рукой кому-то из подчинённых. — Да, это проблема. Отведите её к машине.

— Не пойду! — вскочила Руна так, что грудь прыгнула в проём халатика. — Не имеете права!

Бойцы группы переглянулись. Один из них протянул Житомирскому коробочку с флешками, найденную в тайнике стола.

— Вот.

Руна поморщилась, понимая, что опоздала с передислокацией информационной базы.

Полковник взял пакет с коробочкой двумя пальцами, кивнул.

— Отлично. Комп открыли?

— Нет, — буркнул боец.

— Заберите «железо», дома взломаем. Поищите по комнатам мелочовку. Идёмте, мадам.

Руна хотела выхватить флешки из руки полковника, но её подхватили под локти и повели к двери.

— Подождите, подлецы! — крикнула она. — Я переоденусь!

— Пусть переоденется, проследите.

Женщину отвели в спальню, она переоделась в джинсовый костюм и спустилась на лифте вместе с Житомирским и его подчинёнными во двор новостройки в районе Дягилево, где уже несколько лет застраивали бывший промышленный район столицы.

Она думала, что её повезут на Лубянку, однако ошиблась.

Минивэн «мицубиси» с тонированными стёклами доставил её в Люблино и высадил у запрятанного в парке трёхэтажного особняка, охраняемого, насколько ей удалось выяснить по ходу движения, автоматчиками в чёрных спецкостюмах.

— Секретная резиденция? — презрительно скривила губы Руна.

— Можно сказать и так, — согласился Житомирский, снимая с головы шлем.

Голова у полковника была крупная, под стать кряжистому телу, но имела один существенный недостаток — лысину на всю макушку, резко снижающую впечатление от мужественного образа чекиста. Да и глаза, серые, водянистые, по мнению Руны, были посажены слишком близко, но это уже не имело значения.

Её проводили в здание с колоннами, укрепляющими фасад, потом на второй этаж и ввели в кабинет с роскошной, вовсе не чекистской обстановкой, какую можно было бы представить. Кабинет занимал угол особняка и был освещён солнцем сквозь прозрачные стены от пола до потолка. В нём располагались две стойки, но вовсе не барные, а с

какой-то аппаратурой, стол большой, со столешницей из красного дерева, столик поменьше — стеклянный, четыре кресла и стулья у стоек. Заполнен же он был предметами, какие, на взгляд пленницы, должны были принадлежать скорее антиквару, нежели руководителю подразделения Федеральной службы безопасности.

В углах комнаты стояли статуи, имитирующие работы древних мастеров, на которых сверкали золотые — с виду — украшения.

На трёх подставках лежали короны разных форм, а также рыцарские шлемы, сверкающие полированным металлом.

Кроме того, две стены, где не имелось окон, были увешаны шедеврами современного искусства в стиле «нуар-хоррор», от одного взгляда на которые зрителя начинало мутить.

И, наконец, с потолка свисала сложная люстра необыкновенного дизайна, форму которой описать было сложно. По-видимому создатель люстры вдохновлялся изгибами фрактальной геометрии, порождающей эстетический эффект.

— Проходите, — прозвучал надтреснутый старческий голос.

Руна очнулась, увидев сидевшего за большим столом седого плешивого старика с бледным, иссечённым морщинами лицом. У него был взгляд Мефистофеля и челюсть Шварценеггера. Одет сей товарищ был в жёлтый пиджак и чёрную рубаху.

— Садитесь.

Руна подошла к стулу напротив стола, оглянулась на сопровождающего.

— Я в приёмной, — сказал Житомирский, выходя.

— Итак, Руна Симеоновна Лаптева, — проговорил хозяин кабинета, окинув её оценивающим взглядом. — Тридцать шесть лет, не замужем, детей нет, профессия — специалист по цифровым технологиям, нигде не работает.

— Я блогер! — неуверенно выдала Руна.

— Понятно. — Старик усмехнулся. — Трудно найти ассоциации этому слову. Вроде бы и не бездельник, но и не

трудяга. Хотя на самом деле вы классный высокооплачиваемый хакер, известный под ником Гюрза. Отрицать будете?

Руна сжала кулаки. Она понимала, рано или поздно органы до неё доберутся, но хотелось как-то оттянуть этот момент.

— Не понимаю, о чём вы. Кстати, с кем имею честь беседовать?

— Штормов.

— Круто! Так и обращаться?

— Дементий Лазаревич.

— Кто вы в иерархии службы?

— Начальник.

— А точнее? Генерал? Полковник?

— Руководитель департамента по борьбе с киберпреступностью.

— И чем же я вам насолила? В государственные учреждения я не вторгалась, тайны врагам Отечества не продавала.

— Какой смысл повторять то, что вы и так знаете? «Копи царя Соломона» ваша работа?

— Какая ещё работа? — Руна небрежно шевельнула плечиком. — Небольшое развлечение.

Дело, о котором заговорил старик, получившее в криминальной среде название «Копи царя Соломона», широко в прессе не освещалось, однако нанесло не прямой, но существенный урон экономике страны. По просьбе дальнего родственника, работающего в алмазодобывающей отрасли, Руна взломала коды компании «Алмаз Продакшн», имеющей частного владельца, что повлекло за собой срыв контрактов с африканскими странами. И хотя сама Руна прямого участия в краже секретов алмазодобытчиков не принимала, в глубине души не сомневалась, что это аукнется в будущем. И, похоже, опасения эти подтвердились.

— По закону вам светит семь лет строгача, — продолжал руководитель департамента по борьбе с киберпреступностью. — А если ещё учесть и другие выходки, то и все десять.

— Ну, это ещё надо доказать, — пробормотала она, ёжась, как от холодного ветра.

— Нет проблем. Но у вас есть выход.

Женщина скептически поджала губы.

— Стать вашим сексотом?

— Угадали.

— Я не разведчик и не актёр. Так что давайте о другом.

— Не спешите. — Дементий Лазаревич раскрыл красную папку на столе, вынул фотографию, протянул гостье. — Знаете этого человека?

Руна с интересом посмотрела на фото.

Мужчина был молод, симпатичен, если не сказать — красив. У него были карие глаза (с интересным медовым оттенком), твёрдая складка губ, прямой нос и модная причёска «крыло ворона». Такие лица бывают у творчески развитых людей, и если бы не расслабленность век да не прятавшаяся в глубине глаз молодого человека флегма, им можно было увлечься.

Руна вернула фото.

— Не знакома.

— Это Тимофей Бодров, физик по образованию, двадцать восемь лет, работает в лаборатории МИФИ «Илэвен».

— Не слышала.

— Лаборатория занимается сложными физическими опытами на переднем крае науки. Но у нас появились подозрения, что этот красавчик подумывает о работе на Западе, и если это произойдёт, за рубеж могут уплыть многие государственные тайны.

— Я здесь при чём?

— Если не хотите сесть на зону, познакомьтесь с этим молодцом и выясните его истинные намерения. Хорошо бы ещё добыть и результаты работы лаборатории, прорывные во многих аспектах. Цифровые технологии становятся критически важной и болезненной сферой деятельности. Ущерб от взлома облака может быть сравним с ущербом для страны.

— Это каким же образом я с ним познакомлюсь? — удивилась Руна. — Заявиться к нему домой в качестве постельной феи?

Дементий Лазаревич улыбнулся, показав ослепительно-белые зубы.

— Зачем же домой? В охрану лаборатории требуется специалист-айтишник, а вы отвечаете всем требованиям к этой должности. Да и мы поможем с резюме. Остальное будет зависеть от вас.

Руна покачала головой. Какая-то робкая мыслишка мелькнула в голове, породив тень подозрения, но исчезла.

— То есть вы предлагаете мне поработать фомкой?

— Кем?

— Инструментом взлома софта.

— В каком-то смысле да. Но на благо Отечества.

— Удивительно: чекисты заставляют меня спровоцировать национальное предательство.

— Наоборот, предотвратить возможное предательство. Молодые люди такого склада ума нам очень нужны.

Руна кинула взгляд на фото на столе. Появилось желание ознакомиться с работой Тимофея (редкое имя, надо признаться, хотя если учесть собственное: родители Руны назвали дочь именем героини романа Грина «Блистающий мир») и с ним самим.

— Допустим, я соглашусь. Что я получу взамен?

— Свободу. — Собеседник понял значение взгляда женщины. — Он не женат. Точнее, был женат, но жена от него ушла через год после свадьбы. Этот товарищ — фанат своей работы. Но вам будет легко найти с ним общий язык. Ему тоже не нравится современная постановка спектакля «Женитьба Фигаро».

Руна открыла глаза шире. Она действительно посещала театры, ходила с подругой на спектакль, и он произвёл на неё удручающее впечатление. По сравнению с постановкой советского периода, где играли выдающиеся мастера сцены: Миронов, Ширвиндт, Менглет, Высоковский и другие, — в этой было выхолощено всё, что раньше цепляло душу и возбуждало позитивные эмоции. Актёры не говорили, а кричали, нелепо прыгая по сцене. От игры остался голый текст, да и тот выговаривался непонятной скороговоркой. Уже после первого акта хотелось уйти или убить

режиссёра! И Руна ушла из театра более чем разочарованная.

— Откуда вы знаете?

— Мы обязаны знать всё, — пожал плечами хозяин кабинета. — Итак, леди, подписывайте соглашение о сотрудничестве и неразглашении тайны, получайте дополнительную информацию и пишите в МИФИ заявление о желании работать в охране лаборатории. Мы присоединимся.

— Как я буду с вами...

— Все вопросы к полковнику Житомирскому. Всего хорошего.

Руна встала и как во сне вышла из кабинета, вызывающего ощущение театральности всего происходящего.

За дверью её ждал командир группы захвата, но уже в цивильном костюме. Его вспыхнувший взгляд сказал женщине всё, о чём он мечтает.

Но отступить было поздно.

ГЛАВА 3

Переславль-Залесский. Глэмпинг «Сфера». 23 июня

Первый день отдыха в «Сфере» не запомнился по причине суеты и переезда из юрты, в какую их поселили вечером двадцать первого июня, в домик-геокупол Фуллера с прозрачной крышей и собственным туалетом, что оказалось прекрасным подарком отдыхающим.

Зато утро второго началось прекрасно. Выходя из купола, Тимофей встретил пробежавшую мимо спортсменку в обтягивающем белом трико и долго смотрел ей вслед, озадаченный красотой девушки. Захотелось даже догнать её и познакомиться. Но следом вышел Валера в шортах и майке и испортил впечатление фразой:

— Ну что, пойдём в теннис поиграем?

Экокемпинг «Сфера» действительно представлял собой современный и качественный комплекс отдыха, расположенный в ста тридцати километрах от Москвы, на берегу

Плещеева озера, имеющий на территории волейбольную и баскетбольную площадки, теннисный корт, причал с лодками и баню.

Если десять лет назад (как утверждал гид) в нём насчитывалось всего двенадцать жилищ, то теперь их стало двадцать. Здесь стояли малые и большие индейские типи на два и четыре спальных места, монгольские юрты, экошалашаши и четыре геокупола. Все строения располагались на отдельных полянах с удобствами на улице. А вот в куполах имелось всё: от душевых до холодильников и малых кухонь с электроплитами. Именно один такой и достался Тимофею и Валере, обрадованному настоящим лесным комфортом. Что греха таить, он признался, что не был стопроцентно уверен в суперсервисе кемпинга.

Ни в какой теннис играть они, естественно, не пошли.

Погода стояла прекрасная, солнце жарило вовсю, лёгкий ветерок остужал лица, температура уже утром поднялась до двадцати градусов, и лучшим видом отдыха являлся пляж с удобными лежаками и зонтами. А там друзья снова увидели красавицу, бегающую по утрам в одиночестве, и оценили её формы.

— Офигительно! — пробормотал откровенный Валера, потом после паузы добавил: — Зашибись!

— Да, феноменальная девчонка, — согласился Тимофей более интеллигентно.

Девушка между тем расположилась рядом и пошла купаться с грацией художественной гимнастки. Она была высокой, под стать Тимофею, обладала безупречной фигурой, если не считать чуть полноватых бёдер, и лицом феи, на котором выделялись большие зелёные глаза косоватого «монгольского» разреза.

Искупавшись, незнакомка вышла на берег, отжимая намокшие на затылке волосы, подошла к лежаку, и её встретили.

Двое парней в шортах и соломенных шляпах на головах вынырнули как из-под земли, преграждая девушке путь. Один попытался приобнять её, второй шлёпнул по заду рукой, радостно воскликнув:

— Какое вкусное мясо!

Девушка увернулась от руки первого, накачанного, с плоским пористым лицом, на котором выделялся широкий утиный нос.

— Прекратите! Что вы себе позволяете?!

Второй, пониже и похудошавей, расплылся в блаженной ухмылке, показывая неровные зубы. У него были широкие скулы и усики.

— Давай знакомиться, спортсменка. Я Жора, а это Эдик. Эдик, сделай реверанс.

Качок сделал шуточный полуприсед.

— Прошу любить и не отказывать. А тебя как звать?

— Отстаньте! — Девушка метнула на Тимофея просящий взгляд, сжала зубы.

— Не кочевряжься, — по-прежнему с радостным вождением хохотнул усатый Эдик. — Ты всё равно одна, одной скучно, а с нами тебе будет веселее.

— Я вызову полицию!

— Ох испугала!

— Мы сами полиция, — сообщил качок. — Он полковник, я генерал.

Девушка попыталась отступить, и Эдик преградил ей дорогу.

— Что ж ты такая упрямая, мать Тереза?

Тимофей и Валера переглянулись. Грубин кивнул.

Оба подошли к парням.

Со стороны они, наверно, смотрелись комично, как Дон Кихот и Санчо Панса, хотя Валера вовсе не был толстяком. Если Тимофей был высок, по-спортивно сложен и развит физически, то Валера был на полголовы ниже и не слишком мускулист, пусть и жилист, и не казался бойцом. К тому же на спине его виднелись две пулевые отметины. И лишь специалист по спортивной подготовке мог бы определить в нём человека, много времени занимающегося спецтренингом.

— Эй, мужики, — сказал Тимофей хмуро и как можно убедительней, — здесь не блатная тусовка. Уйдите отсюда!

— А ты откуда нарисовался, пацан? — удивлённо оглянулся Эдик. — По морде захотел?

Тимофей сдвинул брови, не зная, что делать дальше, так как никогда не бывал в подобных ситуациях, и его нерешительность стала заметна.

— Зассал? — расхохотался качок Жора. — Вали, говнюк, пока пенделя не получил.

Тимофей не выдержал, шагнул к нему, сжимая кулаки, и напарник Жоры врезал ему в челюсть сполоборота. Охнув, физик отлетел к лежаку и упал, зацепившись за него ногой.

— Лети, птичка! — сплюнул Жора. Повернулся к Грубину. — И ты вали, дохляк, пока жив!

Дальнейшие события развивались в течение нескольких секунд.

Удара никто не заметил, но качок внезапно утробно ухнул, выпучил глаза, схватился за живот и осел на песок.

Его напарник попытался встать в боксёрскую стойку, однако не успел. Последовали два быстрых кулачных выплеска, усатый Эдик волчком завертелся на месте и свалился на друга, сбив его под лежак.

Грубин остановился как ни в чём не бывало, пососал костяшку пальца на левой руке, глядя на копошащихся верзил.

Пляж ещё только заполнялся загорающими, и короткую схватку заметила лишь пара человек да незнакомка, широко раскрывшая глаза. Увидев, что Тимофей пытается встать, она подскочила к нему.

— Вы целы?!

— Всё в порядке, — виновато выговорил Тимофей, чувствуя во рту солёный привкус крови, дотронулся до саднивших губ. — Он неожиданно...

— Да у вас кровь! Давайте помогу встать.

— Спасибо. — Тимофей опёрся о прохладную ладонь девушки, поднялся на ноги. — Вы очень добры.

— Зачем вы с ними связались? Это же бандиты.

Он потрогал распухающую челюсть, криво улыбнулся.

— Потому и связался.

РАССКАЗЫ

РЫЖИЙ

Правдивая история

Кот орал ночью так, что Максим проснулся в два часа и подумал: кто-то умирает! — настолько душевные фиоритурь издавал котяра. Зверь буквально плакал и стонал, как человек, испытывающий невероятную боль. Ему было холодно, мучил голод, и в мяве он изливал своё непонимание человеческой чёрствости и отсутствия у людей совести.

Пришлось встать и притворить окно: несмотря на холод и сентябрьскую промозглую сырость, спал Максим с открытой форточкой. И заснуть ему удалось только после того, как кот умолк.

Наутро сестра Таня сообщила, что кот соседский, ворюга и бандит, ворует всё и у всех, и соседка давно пытается избавиться от него, выгоняет на улицу и травит.

— Зачем? — не понял Максим. — Не жалко скотину мучить? Взяла бы и усыпила в ветлечебнице.

— Так за это платить надо, — простодушно пожалала плечами сестра, которая тоже не любила котов, чего и не скрывала. — А Чума всем надоел, сосед Вовка Спирын в него стрелял даже, жалко, что не попал.

— Неправильно это, — осуждающе покачал головой Максим; он-то в отличие от Татьяны животных любил, а в детстве, когда жил с родителями, дружил с котами и часто заступался перед бабкой Нюрой за Барсика; кот по ночам спал у него в ногах.

По плану в этот приезд Максим собирался с друзьями посетить кладбище, где были похоронены все его предки и

друг детства Лёха Шилов, а потом съездить на рынок, купить кое-что для вечерних посиделок.

Он практически каждый год приезжал из Москвы в Жуковку на машине и собирал старую школьную компанию, останавливаясь то у тётки Ксени, то у тётки Вали (родители разошлись, отец уехал в Сибирь, мать в Белоруссию), а когда двоюродная сестра Татьяна купила в Жуковке домик и переехала туда из Брянска, начал квартировать у неё.

Кота по кличке Чума он увидел возле машины, которую ставил во дворе дома; гаража у Татьяны не было. Здоровенный, пушистый, рыжий кот сидел у колеса и, когда Максим вышел, уставился на него огромными зелёными глазами. И такая у кота стояла в глазах тоска, такая вселенская скорбь, что у Максима ком встал в горле. Он замер.

Замер и кот, глядя на человека.

Максим присел на корточки.

— Плохо, да, рыжий? Есть хочешь?

Глаза у кота стали ещё больше, зрачки расширились.

— Обижают? — продолжал Максим. — Хочешь, вынесу чего-нибудь?

— Мяк?! — не промяукал — с к а з а л котяра.

Максим улыбнулся.

— Подожди, сейчас вынесу.

— Что-то забыл? — спросила Татьяна, когда он появился на кухне.

— Кота хочу покормить. Есть чего-нибудь, косточки там, молоко?

— Ещё чего, — удивилась дородная, полная, с толстыми ногами и животом пятидесятилетняя женщина, пережившая двух мужей. — Яду ему, а не косточек.

— Тань, ты куриный суп собралась готовить, отрежь гузку и лапы и не ругайся, божья тварь таки.

Поворчав, сестра обрезала тушку курицы.

Кот не ушёл, хотя и сидел теперь за углом дома, перед кустами малины, готовый, чуть что, скрыться.

— Вот, принёс, Чума, — показал курятину Максим. — Хреновую кликуху тебе дали. Буду звать тебя Рыжий, если не возражаешь. Приходи вечером, ещё чего-нибудь вынесу.

Он бросил мясо ближе к забору.

Кот проводил куски взглядом, вопросительно и недоверчиво глянул на человека.

— Ешь, не яд, — засмеялся Максим. — А то я подумаю, что ты не голоден.

Кот не спеша подошёл к мясу, понюхал, ещё раз удивлённо посмотрел на Максима, потом ухватил ближайший кусок зубами и даже не съел — проглотил всю порцию за пару секунд, судорожно обнюхав дёрн вокруг.

Стукнула дверь: вышла сестра.

Кот махнул в кусты, исчез.

— До вечера, — проводил его глазами Максим.

— Чума? — спросила Татьяна.

— Рыжий, — ответил он.

Вечером кот не пришёл. Зато заорал ночью.

Максим достал из холодильника кастрюлю с супом, выловил два куса курятины, вышел на крыльцо.

Дождя не было, но тучи затянули всё небо, дул неприятный холодный ветер, и невольно вспоминалось русское: в такую погоду хозяин собаку из дома не выгонит.

— Рыжий, — позвал Максим.

Раздался шорох. По забору царапнули когти, в отсвете фонаря на улице проявилось жёлтое пятно, фосфорически мигнули глаза.

Максим положил мясо на ступеньку крыльца, поднялся повыше.

— Ешь.

Кот приблизился. Вид у него был пришибленный, с правого бока исчез клочок волос, за ухом виднелась рана, правую лапу он держал как-то странно, практически не наступая на неё.

— Что у тебя с лапой?

Тон действовал: вряд ли со зверем кто-либо разговаривал так мягко.

— Мяк, — коротко сказал кот, сделав ещё шаг.

— Подрался с кем? — покачал головой Максим. — Или попал под облаву? Иди, ешь, не бойся, никто тебя не тронет.

Кот преодолел страх, подошёл, хромая, проглотил курятину, облизнулся.

Максим осторожно нагнулся, взял его на руки, обнаружив, что весит он от силы три-четыре килограмма и дрожит мелкой дрожью.

Снова в горле возник ком.

— Пойдём, помою, лапу и рану за ухом обработаю. Не дрожи, я свой, ничего плохого не сделаю.

В ванной он включил тёплую воду, усадил кота на скамеечку и начал мыть.

К его удивлению кот не дёргался, не пытался убежать или мяукать, только дрожал и щурился, будто понимая, что хочет сделать человек. Напрягся он только тогда, когда к ванную заглянула проснувшаяся Татьяна, всплеснула руками:

— Батюшки-светы! Ты совсем ума лишился, братец!

— Ага, — согласился с ней Максим, удерживая кота. — Дай какое-нибудь ненужное полотенце. Увезу его с собой, раз здесь ему житья нет. Всё равно никому не нужен.

Кот зыркнул на Татьяну огромными глазищами.

Сестра перекрестилась и вышла.

— Поедешь со мной в столицу, Рыжий? — посмотрел ему в глаза Максим.

— Мяк, — ответил кот.

Наутро Максим действительно увёз его в Москву.

* * *

В эту московскую компанию Максим попал случайно, поступив после окончания инженерно-физического института в научно-исследовательский центр «Наука, инновации, технологии». Заведующий проектной лабораторией № 6, в которую устроился Максим, сорокалетний Олег Фенер, толстяк и балагур, оказался неплохим теннисистом, а когда узнал, что Максим в институте выступал за сборную команду МИФИ по этому виду спорта, тут же пригласил его поучаствовать в соревнованиях по теннису за лабораторию; спортивная молодёжь центра с удовольствием состязалась в межофисных соревнованиях по теннису, футболу и волейболу.

Максим согласился и вскоре стал своим в команде, а также сдружился и с компанией Фенера, в которую входили Дима Бушуев, ведущий инженер лаборатории, Сергей Маркин, главный ее теоретик, и Илья Краснов, программист.

К осени они начали проводить время не только в спортзале НИЦ, располагавшегося на улице Расплетина, недалеко от метро «Октябрьское Поле», но и на даче Фенера, а также в совместных походах по лесам Подмосковья, поскольку все были заядлыми грибниками.

Кот при первом же походе Максима, длившемся сутки: утром выехали, к обеду следующего дня вернулись, — проявил себя самым решительным образом. Не дождавшись хозяина к ночи, он начал жалобно мяукать под дверью, а потом устроил такой яростный мяв, что соседи едва не вызвали бригаду МЧС, обеспокоенные кошачьим концертом. Пришлось побеседовать с Рыжим, объяснить ему, что живёт он не в деревне, а в городе, и его концерты раздражают людей ничуть не меньше прежних гонителей. Понял ли он увещевания Максим или нет, было неизвестно с неделю, до очередного похода Максима. Рыжий снова устроил «филармонию», и хотя орал меньше, всё же встретил он хозяина таким укоряющим взглядом, что Максим почувствовал себя негодяем.

После этого он старался побыстрее бежать с работы домой, поменьше быть в спортзале и не задерживаться в гостях надолго. Оставить кота было некому, родители жили слишком далеко от Москвы, а родные сёстры Вика и Лена хотя и устроились в столице, не слишком любили животных, как и двоюродная Татьяна, и ситуация так расстроила друзей Максима, что Олег как-то предложил ему:

— А ты бери его с собой.

— Да ладно, — озадачился Максим. — Он же сбежит.

— В машине посидит.

Обычно они приезжали в одну из деревень Подмосковья, недалеко от грибных лесов, оставляли машину у кого-то из местных жителей, договаривались с ним, чтобы он постерёг транспортное средство (ездили на «хонде» Максима либо на «ягуаре» Олега), уходили в лес и возвращались к вечеру. Такой формат походов устраивал всех.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЛИЗМ. <i>Роман</i>	5
РАССКАЗЫ	
Рыжий. <i>Правдивая история</i>	241
Перехват	267